A large, detailed portrait of actor Vasiliy Livanov occupies the left and center of the image. He is shown from the chest up, looking slightly to the right with a serious expression. The background is a collage of blue-toned images, including a smaller portrait of Livanov in the upper left and a man in a white lab coat in the upper right.

*Я помню
его
таким...*

**ВАСИЛИЙ
ЛИВАНОВ**

**НЕВЫДУМАННЫЙ
ПАСТЕРНАК**

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Василий Борисович Ливанов
Невыдуманый Пастернак.
Памятные встречи (сборник)
Серия «Я помню его таким...»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25456815

*Невыдуманный Борис Пастернак. Памятные встречи / В. Б. Ливанов:
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906947-93-2*

Аннотация

Василий Ливанов, известный актер, сын легендарного мхатовца Бориса Ливанова, вспоминает о дружбе своих родителей с Пастернаком. Искренние и восторженные детские впечатления автора от встреч с Борисом Леонидовичем органично сочетаются с серьезными размышлениями о творчестве и жизни знаменитого поэта. В книге приведены уникальные письма, документы, фотографии и рисунки из семейного архива Ливановых, воссоздающие неповторимую атмосферу жизни московской творческой интеллигенции 30-50-х годов прошлого века.

Содержание

В. Б. Ливанов	5
Пролог	5
Гамлет	11
Борис Леонидович	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Василий Борисович
Ливанов
Невыдуманный
Борис Пастернак.
Памятные встречи**

© Ливанов В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

В. Б. Ливанов

Невыдуманый Борис Пастернак

*Обязуюсь хранить дом Ливановых в границах сил моих в отсуствии моем и в собственном изображении, чудных, божественных друзей моих.
Б. Пастернак, 9 янв. 1955 г.*

Пролог

Кажется, Честертон¹ лукаво рекомендовал быть очень внимательным при выборе родителей.

Мне сделать этот неповторимый и счастливый выбор помог, в частности, Борис Леонидович Пастернак. Евгения Ливанова вспоминала²:

«Это было в дни Первого съезда писателей. В один из таких дней вечером Алексей Толстой, Пастернак и Тихонов предложили нам с Борисом пойти поужинать в грузинский ресторан...

Толстой начал разговор: настоящая женщина,

¹ Г.К. Честертон (1874–1936) – английский христианский мыслитель, журналист и писатель конца XIX – начала XX веков.

² Здесь и далее воспоминания Е.К. Ливановой цитируются по книге: Б. Ливанов. М: Изд-во ВТО, 1984.

как хороший поэт, – редкость; если бы Наталья Васильевна Крандиевская не была с ним, то он бы не стал писателем; миссия жены художника – тяжелая миссия... Потом – Тихонов. Потом – Пастернак. Разве я могла устоять перед их доводами, перед их личностями?

Да ведь все равно я бы не могла уже жить без него, без Бориса Ливанова, хотя уже тогда чувствовала, как трудна будет эта жизнь».

Памятным свидетельством остается надпись Пастернака на его книжке «Поэмы»³, сделанная для будущей моей мамы на следующий день после той встречи и разговоров:

«Совершенно не могу надписать Вам книги. Очень хорошо, что с Вами наверное так трудно жить, и Вам самой так трудно. После нашей бессонной ночи и наших вчерашних разговоров с Борисом, Ал. Ник. и Ал. Тихоновым⁴ на съезде 30.VIII.34 Б.П.»⁵.

Пройдет много лет. За эти годы Пастернак тесно сдружится с моими родителями, станет «своим» в доме Ливановых.

«В творческие пары и туманы дома Ливановых, Жене и Боре, таким близким!» – подпишет поэт одну из подаренных им фотографий.

6 января – именины моей мамы Евгении, Жени. Этот день всегда отмечался в нашем доме: за нарядным праздничным

³ Пастернак Б. Поэмы. М.: Советский писатель, 1933.

⁴ Борис – Ливанов; Ал. Ник. – Толстой; Ал. Тихонов – критик (не путать с поэтом Ник. Тихоновым).

⁵ Письма Пастернака даются в орфографии и манере автора. – В. Л.

столом сходились близкие, друзья.

Борис Ливанов и Борис Пастернак. 1958 г.

Однажды Борис Леонидович принес и прочитал написанные им к этому дню стихи:

Евгении Казимировне Ливановой, имениннице

Еще я не знаю,
Что я сочиню.
Прости мне, родная,
Мою болтовню.

Будь счастлива, Женечка!
Когда твой Борис
Под мухой маленечко,
Прости, не сердись.

Ведь ты – самый крепкий
Его перепой.
Он стал бы, как щепка,
Но полон тобой.

Кто без недостатка,
Безгрешен и чист?
Борис твой – загадка,
Мятежник, артист.

И после банкета
И тяжкого сна

Ты – небо рассвета,
Покой, тишина.

Как самый завзятый
Простой семьянин
Я чествую дату
Твоих именин.

Она мне внушила
«Звезду Рождества»
И всех нас скрепила
Печатью родства.

Б. Пастернак. 6 января 1951 г.

Гамлет

*Да вот же он! Туда, туда взгляните:
Отец мой, совершенно как живой!*

В. Шекспир. Гамлет. Перевод Б. Пастернака

Летом 1952 года Московский Художественный театр гастролирует в Ленинграде. Ольга Фрейденберг⁶ делится с Пастернаком своими впечатлениями от мхатовских спектаклей. Пастернак ей отвечает письмом от 16 июня:

«Как молодо и с какой отчетливостью ты рассуждаешь о перемене художественных форм и их назначении, о театре, о кино, как по-философски талантливо и с какой безошибочностью судишь о строении разных творческих явлений и их подобии! если ты даже выделила Ливанова, потому что знаешь, что это мой лучший друг, то и в таком случае меня радует, что наше отношение к нему сходится. Его нельзя назвать неудачником, нельзя сказать, что он не понят, недооценен, но широта его мира, его разносторонность, образованность и то, что он не замкнулся в рамки характерного актера, позволяет его собратьям коситься на него под многими

⁶ Ольга Михайловна Фрейденберг – двоюродная сестра Б. Пастернака, профессор древних языков.

предложениями...».

Весной 1954 года Пастернак, интересуясь постановкой «Гамлета» в своем переводе в Александринке, напоминает в письме к О. Фрейденберг: «В Ленинграде часто бывает Ливанов, большой мой друг, который должен был играть Гамлета во МХАТе пятнадцать лет тому назад» (12.04.54).

В 1939 году В.И. Немирович-Данченко задумал и стал готовить во МХАТе постановку «Гамлета».

С какой ответственностью и тщательностью режиссерская группа (Немирович-Данченко и В.Г. Сахновский) относилась к будущей постановке, говорит хотя бы то, что при распределении ролей для исполнения Офелии и Лаэрта труппу Художественного театра дополнили талантливые молодые актеры из других театров: Ирина Гошева из Ленинградского театра комедии от Николая Акимова и Владимир Белокуров из Московского театра имени В. Маяковского от Николая Охлопкова. Кстати, пригласить Белокурова посоветовал мой отец, которому предназначалась роль Гамлета.

Возникли проблемы с переводом. Выбранный поначалу перевод А. Радловой позже стал не устраивать Немировича-Данченко. Интересный при чтении текст перевода проигрывал в сценическом звучании: становился легковесным. Попытка соединения двух переводов – академически громоздкого Лозинского и нового, Радловой, – не дала желаемого результата. Немирович-Данченко стремился к современному, разговорно-острому и поэтическому звучанию текста,

но не за счет упрощения философской значимости.

И тут появился перевод Бориса Пастернака. Это было именно то, к чему стремился театр. Ливанов немедленно представил режиссерам перевод и переводчика.

Театр принял пастернаковскую работу почти безоговорочно. Немирович-Данченко написал А. Радловой в ноябре 1939 года:

«Перевод этот (Пастернака. – В. Л.) исключительный по поэтическим качествам, это, несомненно, событие в литературе. И Художественный театр, работающий свои спектакли на многие годы, не мог пройти мимо такого выдающегося перевода “Гамлета”... Ваш перевод я продолжаю считать хорошим, но раз появился перевод исключительный, МХАТ должен принять его».

Доверяя художественному вкусу Бориса Ливанова, его актерскому «чутью» и видя в нем творческого единомышленника, увлеченного замыслом постановки, Немирович-Данченко предложил актеру, исполнителю заглавной роли, вместе с поэтом проверить сценическое звучание перевода, добиваясь полной органичности произносимого текста. Но никакого совместного творчества не произошло бы, если бы поэт Борис Пастернак сам не относился к актеру Борису Ливанову с высокой степенью доверия и восторженного приятия.

Евгения Ливанова так вспоминала о присутствии поэта на спектакле «Горе от ума», в котором Ливанов играл роль Чац-

кого:

«На спектакле я была с Пастернаком. Сидели в восьмом ряду рядом с креслом Немировича-Данченко, он отдыхал в это время в Барвихе. Ему туда послали телеграмму о небывалом успехе, и что занавес давали 24 раза.

Первые слова Ливанова – Чацкого: “Чуть свет – уж на ногах! и я у ваших ног!” – и Пастернак залился слезами. Он их даже не замечал. И это продолжалось весь спектакль, как только выходил Чацкий – Ливанов и начинал говорить.

– Я впервые понял, почему это написано в стихах, – сказал Борис Леонидович.

После конца спектакля он был возбужден, взволнован, лицо было заплакано».

Свои впечатления Пастернак выразил в надписи на вырванной из книги странице со своим портретом – репродукцией работы художника Леонида Пастернака, отца поэта:

«Великому и стихийному артисту и, по счастью, другу моему Борису Ливанову, дань любви и восхищения и общей нашей будущности, раскрывающейся мне в его игре.

Б.П. 1938 г.».

Оба Бориса азартно взялись за совместный труд. Это время можно считать началом их творческого и человеческого дружеского сближения. Они занимались не только поисками наиболее выразительного звучания слова. Борис Ливанов –

талантливый художник – рисовал отдельные мизансцены будущего спектакля, которые отражали их общее понимание того или иного сценического решения. Пастернак участвовал советами и в поисках внешности героя: Ливанов всегда предварял рисунками свою актерскую работу над образом, находя внешний облик персонажа – грим, костюм.

Андре Мальро, Всеволод Мейерхольд, Борис Пастернак.
1936 г.

18 июня 1941 года Пастернак надписывает Ливанову первое издание шекспировской трагедии в своем переводе:

«Человеку, о котором это написано:

Борису Ливанову – Гамлету.

Б. Пастернак. 18. VI. 41. Переделкино.

Через четыре дня разразилась война.

“5. IX.41

Золото мое Боричка!

Я дико занят. На мне две пустые квартиры, дача, чужие неразочтенные домработницы, самые разноречивые хозяйственные заботы. Все мои кто где, на Каме, в Ташкенте, под Челябинском. Изредка у меня ночные дежурства в Лаврушинском⁷, я прохожу ежедневное военное обучение. Каждый день с утра в Москве, где высуня язык бегаю по разным безуспешностям только затем, чтобы, вернувшись в Переделкино, полакать чего-ниб. впопыхах (воображаю, что б это было, если бы на это взглянуть при свете дня). На рассвете (в моем распоряжении только 1–2 часа утром до поезда) строчу что-ниб. (меня опять свели к переводам, с латышск., с грузинск.) на гривенник, на пятиалтынный, которые потом не платят. Но я не жалуясь, я люблю быстроту. Судьба циркового трансформатора прельщает меня. Беда не в этом. В чем она, я расскажу тебе как-ниб. один на один. На днях я взбунтовался, и тут мы с тобой сразу подходим к теме. Вчера я прямо с боевой

⁷ В Лаврушинском переулке, где жил Пастернак

стрельбы отправился к Храпченко⁸, и тут я узнал вещи ошеломляющие. По его словам, в Новосибирске будут продолжать играть Гамлета в новом сезоне, и для его подготовки где бы то ни было никаких препятствий не встречается. Мало того: он упрекнул меня, зачем я бросил работу по “Ромео”, а на мои слова, – кому-де нужен сейчас Шекспир, ответил что-то вроде “глупости”, но повоспитаннее, я точно не помню. Как Вам это нравится, и сделали ли Вы из этого практический вывод? Крепко тебя целую и бегу на поезд, е... его мать, хотя так выражаться не следует, потому что дальше поклоны Сахновским⁹, +Вит. Як.¹⁰ и Ольге Серг.¹¹

Если ты задумаешь осчастливить меня открыткой, направляй ее по адр.: Москва, 17, Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 72, Б. Л. Пастернаку. Искренне тебе преданный

⁸ Храпченко М.Б. – в 1939–1948 гг. председатель Комитета по делам искусств при Совете министров СССР.

⁹ Сахновский В.Г. – режиссер МХАТа.

¹⁰ Вит. Як. – Виленкин, помощник Немировича-Данченко по литературной части. Крестик, поставленный Пастернаком около имени-отчества Виленкина, обозначает знак особой осторожности. Немировича-Данченко окружали всякого рода помощники. Некоторые из них фиксировали каждый шаг Немировича-Данченко, записывали каждое слово, так сказать, «для истории». Мхатовские остряки, очевидно, не без оснований злословили, что этими записями постоянно интересуются не только в театральной среде.

¹¹ Ольга Сергеевна Бокшанская – секретарь Немировича-Данченко, сестра жены М. Булгакова Елены Сергеевны.

Несмотря на недоуменный оптимизм Пастернака в отношении дальнейшей работы над «Гамлетом», в сотворчестве обоих Борисов наступает перерыв, вызванный эвакуацией МХАТа из Москвы и отъездом Пастернака к своей семье в Чистополь на р. Каму.

В 1942 году в эвакуации директором МХАТа был назначен И.М. Москвин. Немирович-Данченко оказался вдали от театра, на Кавказе. Поначалу театр направился в Саратов, потом переехал в Свердловск. «Гамлет» не репетировался, несмотря на то, что один из режиссеров спектакля, В.Г. Сахновский, был с труппой. Сказывалось отсутствие Немировича-Данченко. Ливанов и Пастернак с семьями возвращаются в Москву в 1943 году.

МХАТ в полном составе постепенно возобновляет репетиции «Гамлета». Поэт и актер снова часто встречаются для продолжения совместной работы.

Ходил упорный слух, что Сталин с опаской относится к теме гамлетизма. В данном случае выход спектакля гарантировался бесспорным авторитетом Немировича-Данченко. Смерть его наносит готовящемуся спектаклю первый удар.

И. Москвин, Н. Хмелев, ставший художественным руководителем театра, и назначенный директором В. Месхетеди публикуют в центральной прессе статьи о готовящемся спектакле, пытаясь защититься хотя бы памятью о Немировиче-Данченко.

Привожу фрагмент одной из таких статей:

«БЛИЖАЙШИЕ ПРЕМЬЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

...Более двух лет Владимир Иванович с присущим ему увлечением работал над “Гамлетом” Шекспира. Он создал режиссерский штаб во главе с В. Сахновским, глубоко и проникновенно проработал все линии этой постановки. С режиссурой и участниками спектакля неоднократно обсуждался план постановочной работы, была определена характеристика образов действующих лиц. Перед актерами, занятыми в этой работе, наш учитель ставил задачу – добиться большой трагической силы, сочетаемой с простотой живой психологии и прекрасной театральностью. Он стремился к тому, чтобы в спектакле чувствовалась суровая атмосфера действия, и был вскрыт глубочайший философский, человеческий смысл трагедии Гамлета. Владимир Иванович не ограничивался только разработкой плана и беседами с участвующими в спектакле артистами. Он провел с ними много репетиций, приглашая их к себе даже на дом в те дни, когда чувствовал себя плохо. Особенно много внимания он уделил работе с Б. Ливановым – исполнителем роли Гамлета. Эта работа не прекращалась до самых последних дней его жизни. Он принял и утвердил спектакль, эскизы костюмов, написанные художником В. Дмитриевым.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что замысел этой постановки принадлежит к крупнейшим и интереснейшим работам великого мастера русской сцены. И сейчас задача нашего коллектива, наших мастерских, всего театра – воплотить в сценическое создание замыслы нашего учителя и сделать спектакль “Гамлет” достойным его светлой памяти»¹².

Понимая, что театр остался без своего главного заступника, В.Г. Сахновский торопится довести спектакль до премьеры.

О напряженном труде обоих Борисов свидетельствует письмо Пастернака:

«8. III.44

Дорогой Борис!

Отраженно по себе догадываюсь, что позавчера были твои именины, с чем тебя и поздравляю.

В субботу я был не выспавшись, и ради Бога не думай, что я во все дни недели бываю такой тупой и злой.

Два дня я тебе звоню, чтобы сообщить новые возможности относительно наших проклятых шекспировских строчек:

Все в жизни рухнуло.

Святыни рухнули, и вот я стал

Защитником поруганных начал.

Спасителем.

¹² Литература и искусство. 1943. 30 июня.

Поборником.

Готов потеть и дальше. Привет всей твоей семье.

Евгении Казимировне целую ручку.

Твой Б.П.».

В нашем семейном архиве сохранилась репетиционная тетрадь моего отца, в которой страницы с наклеенным печатным текстом перевода чередовались с пустыми, предназначенными для актерских записей и помет. Некоторые из них заполнены рукой Ливанова, другие – рукой Пастернака. Очевидно, что актер давал поэту эту тетрадь с намеченными им во время репетиций исправлениями в тексте, и Пастернак вписывал туда свою окончательную редакцию.

Помню, по всему нашему дому в то время обнаруживались случайные листы бумаги, на которых, «озверев от помарок», Борис Леонидович записывал новые и новые варианты гамлетовских реплик и монологов.

Многие из рукописных правок в актерских тетрадях Ливанова вошли в новое издание пастернаковского перевода трагедий Шекспира и закреплены в нем как окончательные.

«Дорогому Борису Ливанову,
с которым вместе мы варили это блюдо.

Б. Пастернак, Москва. 8 октября 1947 г.»

Так оценит Борис Пастернак их совместное творчество, надписывая новое издание перевода – в Детгизе, в 1947 году.

Из воспоминаний Евгении Ливановой:

«К Новому, 1945 году группа английских актеров во главе с “английским Качаловым” – Джоном Гилгудом направила своим советским коллегам подарок – пластинки с записью шекспировских монологов. Два монолога из “Гамлета” читал Гилгуд, причем свое исполнение он посвятил – так это и звучало на пластинке – “моему другу Борису Ливанову, занятому сейчас работой над Гамлетом”».

В ответ Ливанов и Пастернак послали Гилгуду письмо.

«Москва, 1945 год
Джону Гилгуду
Королевский театр,
Геймаркет, Лондон
Дорогой Гилгуд,

в дни, когда все человечество считает секунды, думая об истинной, достойной человека жизни, наконец завоеванной, мы получили от Вас подарок. Вы прислали нам свое дыхание. Вы произнесли слова, сказанные лучшим из нас Гамлетом: “Что значит человек...”. Спасибо Вам.

Мы, советские художники, ощущаем радость по поводу того, что в наше время мы в такой доступности, о которой могли бы мечтать наш Пушкин и Ваш Байрон, слышали голос того, кто нам душевно так близок, а пространственно так далек. Я и мой друг Пастернак великолепно способны оценить, кем Вы вошли в Гамлета и кем из него вышли и что к нему прибавили.

Вы – прекрасный артист, и мы счастливы, что судьба посвятила нас в стихию артистизма, неразрывно породняющую нас с Вами, – залог нашей более широкой и длительной творческой дружбы.

С лучшими пожеланиями, искренне Ваши
Борис Ливанов, Борис Пастернак».

В этом же письме Ливанов сделал приписку, прося Гилгуда прислать свой портрет в роли Гамлета. Просьба вскоре была исполнена.

«Борису Ливанову – артисту, союзнику и коллеге в знак товарищества – приветствие», – значилось на подписи к подарку.

А мхатовскому спектаклю был нанесен второй удар судьбы – в разгар репетиций скончался В.Г. Сахновский. Постановка оказалась режиссерски окончательно обезглавленной. Но работа практически была уже завершена. Спектакль был на выпуске. О сталинском запрете «Гамлета» во МХАТе Борис Ливанов узнал на генеральной репетиции, стоя на сцене в гриме и костюме принца датского.

Василий Григорьевич Сахновский (1886–1945) – русский советский театральный режиссер, театровед, педагог. Народный артист РСФСР (1938). Доктор искусствоведения (1939)

В ливановском архиве имеется черновик письма, записанного О. Бокшанской под диктовку Ливанова и предназначавшегося кому-то из бдительных начальников советского искусства.

«Многоуважаемый Георгий Федорович!¹³

Опасаюсь, что Ваша занятость не позволит Вам лично выслушать мои соображения по этому вопросу. Поэтому позволю себе кратко об этом написать.

Переношусь мысленно на два года назад, 23 февраля 1945 года. Я в полном костюме и гриме репетирую “Гамлета” во МХАТе. Все было готово к постановке. Немалые затраты людских сил – художников, декораторов и других – этому предшествовали. Немало сил затратил и я, и мои коллеги по этому спектаклю. Большие материальные, денежные средства ушли на подготовку этого спектакля. Наша печать предвещала его. О нем писали за границей. Известнейший английский исполнитель роли Гамлета – Джон Гилгуд прислал мне свой снимок в этой роли в надежде “получить в обмен” мой портрет в роли Гамлета.

“Гамлет” не был поставлен потому, что через

¹³ Я не стал уточнять фамилию этого человека. Все эти чиновники были на одно лицо – их персонификация не важна. – В. Л.

несколько дней после этого скончался наш руководитель – Сахновский.

Очень больно сознавать, что огромный труд и большие материальные затраты могут пропасть даром. На днях я спросил у художника: “Целы ли декорации?” – “Пока целы”, – был ответ. Пока живы главные исполнители. Имеются стенограммы, записи всех режиссерских указаний Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Прошу Вас подумать, не следует ли возобновить работу по этой постановке. Времени должно уйти немного – месяца три-четыре. Новых материальных затрат почти никаких или, во всяком случае, очень мало».

Думаю, что письмо Ливанова, черновик которого сохранился, было театром отправлено. Судя по всему, у «многоуважаемого» не нашлось времени не только на разговор с артистом, но и на ответ по его письму.

Сталинские распоряжения не обсуждались, и отчаянная попытка Бориса Ливанова, безусловно, была расценена как дерзость.

«Чего-чего

не делали мы вместе с Борисом,

И хохотали, и плакали.

И никогда не помогало!!» —

еще раньше угадал Пастернак, надписывая свой перевод «Ромео и Джульетты», и добавил:

«На память о нашем совместном посещении сей

планеты.

24. XI.44. Москва».

О том, что поэт и актер чувствовали, когда спектакль был запрещен, свидетельствует надпись Пастернака Ливанову на тоненькой книжечке стихов «Земной простор», изданной в это время:

«Боричка! В несчастной части твоей
“многосложной” жизни мы – братья. С братским
приветом с этого участка твой, крепко любящий тебя
Борис».

А пытка Шекспиром продолжалась.

Еще до осуждения «культы личности» «лучшего друга писателей, артистов» и вообще всех на свете Ливанов задумал сыграть и поставить «Короля Лира», конечно же, в переводе Пастернака. Бориса Леонидовича эта идея привлекала. Но, занятый работой над романом «Доктор Живаго», на который автор возлагал большие надежды, Пастернак только время от времени давал своему другу практические советы, развивающие замысел, и помогал делать необходимые сокращения в тексте пьесы.

Несмотря на разочарование, пережитое в истории со спектаклем, Борис Леонидович вместе с Ливановым поверил, что на этот раз их ждет удача. Он писал отцу в апреле 1953 года:

«...Боря, Лир с середины, где со сцены уходит
шут, и его начинает заменять прикидывающийся
сумасшедшим Эдгар, – очень по тебе. Его

бушевание и безумие отсюда – это вылитый ты за столом, твое гениально-величественное красноречие с грозным, подцапывающимся под умничающих лицемеров простодушием. Тебе будет очень легко играть его. И в этой достоевщине есть одна вечная толстовская нота. Я не могу найти того, что писал об этой трагедии в предисловии ко всем, но вот эта мысль. В “Лире” о добре, присяге, интересах государства и верности родине говорят одни мерзавцы и уголовные преступники. Положительные герои этой трагедии – сумасшедший самодур и до святости правдолюбивая дурочка.

“Здравый смысл” представлен экземплярами из зверинца, и только эти оба – люди. Эта мысль чрезвычайно анархическая. Ты в Лире будешь производить бурю в зрительном зале и срывать в ходе действия овации.

Начни с Лира, а продолжи Гамлетом (Пастернаку хотелось, чтобы Ливанов все же осуществил “Гамлета”, но уже как постановщик. – В. Л.).

Но письмо приняло деловой характер. Крепко целую Вас обоих, привет и поцелуи детям.

Ваш Б.».

Все повторялось. Снова английский актер, теперь не Джон Гилгуд, а Пол Скофилд, будучи на гастролях в Москве, где он с успехом выступил в роли Лира, преподнес отцу свой портрет с надписью:

«Борису Ливанову с лучшими пожеланиями

успеха Вашему “Королю Лиру”».

Были распределены роли. Делать декорации и костюмы Ливанов пригласил замечательного чешского художника Иржи Трнку, своего друга.

Казалось, теперь на пути осуществления шекспировского спектакля нет и не может быть никаких препятствий. Борис Ливанов медленно, но верно разворачивал тяжело груженный конъюнктурными задачами театр к давно позабытому Шекспиру. И – разразился безобразный скандал вокруг «Доктора Живаго». Становилось ясно, что вынесение на сцену «правительственного» театра работы Бориса Пастернака, переводчика «Лира», – нового «врага народа» теперь уже эпохи Хрущева – вряд ли возможно. Начались какие-то «сложности» при заключении договорных отношений с И. Трнкой. Раздосадованный «заячьими петлями» советских министерских чиновников от культуры, художник отказался от сотрудничества с МХАТом, сославшись на занятость.

Отец обратился к Андрею Гончарову, своему давнему товарищу, известному иллюстратору, в частности, шекспировских трагедий. Гончаров дал свое согласие. Но это, как и следовало ожидать, ничего не поправило.

Пастернака не стало. Мои родители были на его похоронах¹⁴.

¹⁴ В феврале 1990 г. газета «Вечерняя Москва» опубликовала фотографию с похорон Б. Пастернака. Б. Ливанов – среди несущих гроб с телом поэта.

На следующий же день после похорон Бориса Леонидовича министр культуры всего Советского Союза Екатерина Фурцева пригласила Бориса Николаевича в свой правительственный кабинет для «неотложной личной беседы».

Не успел Ливанов переступить порог, как Фурцева обрушила на него державный гнев:

– Как вы могли? Вы – народный артист СССР?! Это же политическая демонстрация...

– Мы с вами по-разному понимаем и жизнь, и смерть, – остановил ее Ливанов.

Задуманного Фурцевой выговора не получилось.

Этого короткого «обмена мнениями» Фурцева Ливанову не забудет. «Неуправляемый» – такой опасный с точки зрения партаппарата ярлык привесили Ливанову.

Вскоре всевластная дама найдет способ известить театр о том, что «Никита Сергеевич Хрущев считает постановку Шекспира в Художественном театре несвоевременной»¹⁵. Это значило, что Министерство культуры не истратит на спектакль ни гроша. «Меня с этой должности (министра культуры. – В. Л.) вынесут только вперед ногами», – как-то сказала Фурцева Ливанову. Так и произошло. Фурцева, сыграв значительную роль в падении Хрущева, пользовалась неременной поддержкой нового «Ильича» – Леонида Брежнева.

¹⁵ В те годы московские остряки дали Фурцевой прозвище «Никитские ворота».

Судьба «Гамлета» во МХАТе постигла и «Лиры». Историкам русского театра еще предстоит дать оценку министерским заслугам Е.А. Фурцевой в области культуры, главная из которых – уничтожение искусства Художественного театра, того неповторимого явления русской культуры, которое благодарной любовью отзывалось в умах и душах трех поколений зрителей.

Великий МХАТ умер. Труп его расчленен пополам по орнитологическому признаку: одна половина обозначена птицей чайкой, другая – буревестником.

Интересно, чьи куриные мозги впервые посетила такая птичья идея?

«Неуправляемый» Борис Ливанов, любимый ученик и последователь К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, погиб под развалинами театра, живым символом которого являлся почти полвека.

Борис Леонидович

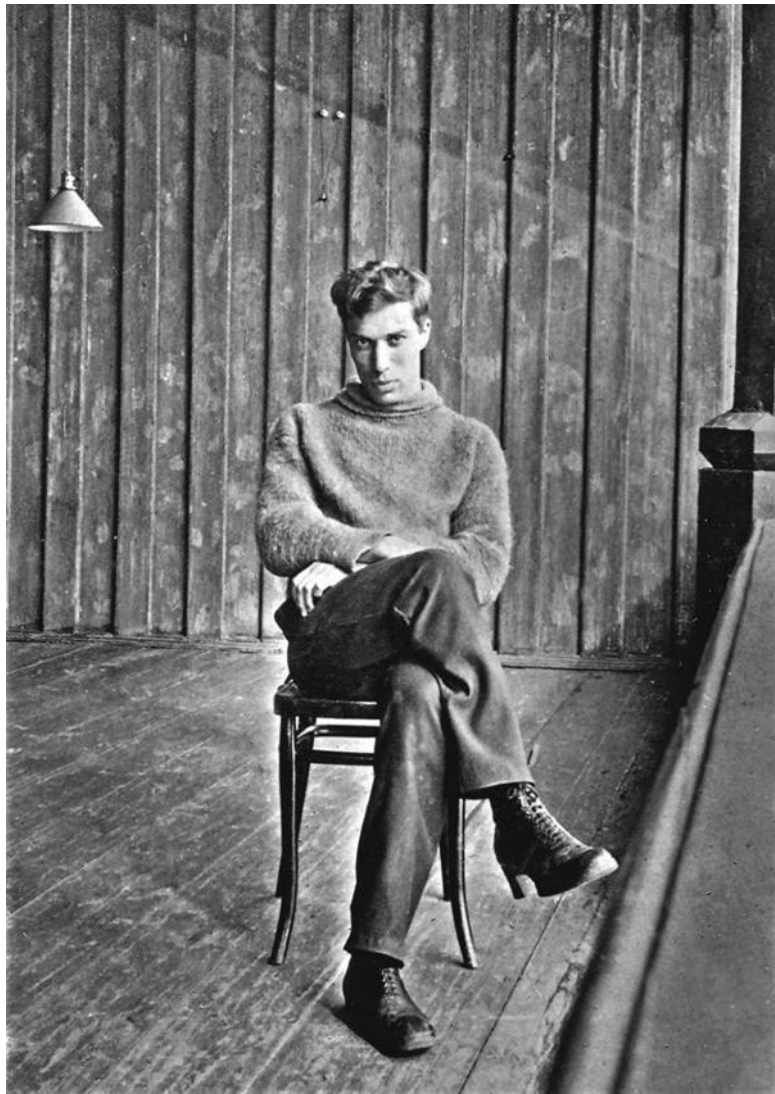
О, куда мне бежать от шагов моего божества!
Б. Пастернак. Детство.

Мне шел двенадцатый год, когда родители в очередной раз взяли меня с собой в обычную воскресную поездку на пастернаковскую дачу.

После веселого обеденного застолья Борис Леонидович объявил родителям, что будет читать им свою новую прозу. Несмотря на то, что надвигался осенний вечер, и заметно похолодало, чтение происходило в саду, в каком-то садовом строении, кажется, в беседке. И автор, и слушатели сидели в пальто. Короткие и резкие порывы ветра ворошили стопку рукописи. Пастернак то и дело прихлопывал листы ладонью, чтобы они не разлетелись по саду.

Борис Леонидович читал о каких-то людях, которые куда-то ехали в поезде, что-то вспоминали, о чем-то разговаривали. Тогда я, естественно, понятия не имел о том, что слушаю главу из впоследствии знаменитого романа «Доктор Живаго», которому суждено было принести автору столько самых противоположных, потрясших его переживаний. Люди, о которых довольно монотонно читал Пастернак, и их разговоры были мне, мальчишке, совершенно неинтересны. Посматривая на лица своих родителей, я в душе удивлялся

их сосредоточенному вниманию. На дачу я приехал только в куртке, которая плохо защищала от холодного ветра, сидел весь съезжившись, изнывая от скуки. В конце концов мое жалкое состояние было замечено, и меня в приказном порядке отправили в дом.

*Гул затих. Я вышел на подмошки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

(Б. Пастернак «Гамлет». 1946 г.)

Роман «Доктор Живаго» я впервые прочел много позже, уже взрослым человеком, в 1958 году в миланском издании Г. Фельтринелли: книгу передали Ливановым из дома Пастернаков.

Но прежде чем поделиться своими впечатлениями о романе, необходимо остановиться на личности самого Бориса Пастернака.

Талант понимался Пастернаком не как божий дар, а как существующее вне божьих помыслов особое, исключительное качество личности, уравнивающее человека с Богом, дающее талантливому особые, исключительные нравственные права среди людей – толпы.

В таком понимании Христос – сын человеческий – являлся чем-то вроде старшего по талантливости и завидного по жертвенной судьбе и славе.

Делясь замыслом романа «Доктор Живаго» с О. Фрейденберг, Пастернак писал в 1946 году: «Атмосфера вещи – мое христианство».

Что это значит – «мое»?

Пастернаковское христианство сродни лермонтовскому:

«Я или Бог, или – никто».

И действительно, «мое христианство» Пастернак попытался воплотить в образе Юрия Живаго. Понятно, что краеугольным камнем такой веры является непомерная гордыня. И герой пастернаковского романа – не что иное, как последовательное утверждение авторского эгоизма.

В советской критике разглядели самоотождествление поэта с Богом. Например, статья О. Хлебникова, посвященная 100-летию Пастернака¹⁶, заканчивается так:

«И еще об одном хочется сказать в заключение, читая стихи Пастернака: не стоит бояться воздать ему “не по чину”».

Я в гроб сойду и в третий день восстану.
И, как сгоняют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи караванов,
Столетия поплывут из темноты.

Конечно же, советский критик, как и положено образованному безбожнику, это самоотождествление поэта с Богом преподносит как достоинство.

Совсем другое стихотворение Пастернака «В больнице». Это стихотворение написано не позднее конца 52-го года, скорее всего, сочинялось уже во время инфаркта, в Боткинской больнице, куда поэт попал в октябре. Но «В больнице» не вошло в «Стихи Живаго».

¹⁶ «Огонек». 1990. № 8.

...О Боже, волнения слезы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр.

Родившееся на грани жизни и смерти, заплаканное искренними слезами, подлинно христианское, оно могло впоследствии показаться поэту излишне традиционным, но — и это главное — прямо противоречило «атмосфере моего христианства», созданной Пастернаком в романе. Через несколько лет, включенное в последний сборник «Когда разгуляется», это стихотворение окрасило своим настроением лучшие стихи сборника, говорящие о том, что поэт все-таки потянулся к вере без всякой позы, заключавшейся раньше в горделивых словах «мое христианство». И та простота, к которой Пастернак стремился в своем творчестве всю свою жизнь, отрекаясь от своих ранних стихов, была бы недостижима без истинной веры.

Я затронул эту тему, поскольку, не касаясь ее, невозможно говорить о личности Пастернака.

Пастернак начался для меня осенью 1943 года.

Помню, как я пытаюсь разглядеть его в полутемном углу квартирного коридора, где он возится в открытом старом шкафу со скрипящими дверцами. Кажется, он пристраивает туда свой блекло-желтый выцветший плащ и сует на полку немислимо заношенную шляпу с отвислыми полями¹⁷.

– А вы не знаете, скоро ли придут ваши родители?

Он стал часто появляться в нашем доме, иногда в отсутствие родителей.

– Я их дожусь, – говорил.

И терпеливо ждал, перебирая книги в отцовской библиотеке. Иногда я заставал его лежащим на коротком диване, даже не снявшим куртку и обувь. Он спал, повернувшись лицом к диванной спинке, подложив под скулу сложенные ладони, подогнув колени так, чтобы ботинки свисали над краем дивана. В лице его не было покоя, казалось, он не спит – притворяется. Пока он лежал в комнате, я, восьмилетний мальчик, ходил рассматривать его плащ и шляпу, примерял ее. Почему-то из-за этого плаща и шляпы он мне казался необычайно загадочным. Особенно завораживала его необычная фамилия – Пастернак. В моем представлении фамилия эта, больше похожая на имя пришельца из какой-нибудь неизвестной мне сказочной страны, была ему к лицу,

¹⁷ В этом плаще и шляпе он нарисован моим отцом в 1943 году. – В. Л.

как подошел бы бархатный берет с пушистым пером. А он вместо такого берета и длинного романтического плаща носил старую шляпу-гриб и выцветший «пыльник». И это несоответствие человеческого лица по имени Пастернак и как бы чужой ему одежды заставляло меня думать о какой-то скрываемой им печальной тайне. В общем, о каком-то «заколдованном принце». Странно, но я никогда не задумывался и не спрашивал о его возрасте. У него не было возраста, как не бывает его у дождя или у ветра.

То, что он – поэт, меня тогда совершенно не привлекало. Скорее наоборот. В моем детском представлении известные поэты – Пушкин, Лермонтов – это имена, которыми обозначаются стихи, это портреты в книжках, а вовсе не живые, реальные люди. В нашем доме – тогда говорили: «В нашем дворе» – жил поэт Корней Чуковский. Родители были с ним знакомы, при встречах долго разговаривали. Я же абсолютно не верил, что этот неряшливый громогласный старик может иметь какое-то отношение к «Мухе-цокотухе». Считал это каким-то невыясненным недоразумением. Такое мое отношение к живым поэтам распространялось еще на одного детского поэта «из нашего двора» – Сергея Михалкова, автора популярного «Дяди Степы». Но хорошо знакомый мне дядя Степа был моряком и вовсе не заикался. Михалкова я тоже держал в самозванцах. Стихи Пастернака мне тогда никто читать не предлагал, да я и не стремился.

Все это пришло позже.

Помню мою страшную обиду на маму, объяснившую, что слово «пастернак» – название одного из сортов лука. Я считал это поношением Бориса Леонидовича, почти предательством. К тому времени Пастернака я уже полюбил. Во-первых, мне казалось, что я проник в секрет его сказочной «заколдованности». Благодаря этой молчаливой, воображаемой мной причастности к его тайне Борис Леонидович стал мне дорог. Во-вторых, из-за отсутствия возраста Пастернак сразу же выпал из категории «взрослых». Он никогда не унижал меня, мальчика, наподобие других взрослых вопросами, ответы на которые – я это прекрасно видел – были им безразличны:

– Сколько тебе лет?

Или:

– Ты уже в школе учишься?

Пастернак был первым человеком, который обращался ко мне на «вы». Как я ему за это был благодарен!

И в-третьих... Борис Леонидович частенько капризничал, восхитительно и явно капризничал по мелочам: это могло касаться назначения сроков следующей встречи, выбора места за столом и прочее. И мои родители, вместо того чтобы немедленно строго осудить его за это или хотя бы пристыдить – со мной всегда поступали так, – пускались в уговоры, оборачивали все в шутку, и в конце концов все складывалось в его пользу. Это рождало у меня ребяческую надежду, что будущее моих собственных капризов не так безнадежно.

Другое дело – Зинаида Николаевна, жена Пастернака. В отношении к ней на людях Борис Леонидович вел себя не как взрослый человек, зрелый муж, а скорее как избалованный мальчик. Она часто одергивала его капризы быстрой фразочкой, произнесенной скороговоркой и не всегда понятной, – Зинаида Николаевна слегка шепелявила.

И его протяжное в ответ: «Ну Зи-и-ина!» – неизменно звучало как «Ну ма-а-ама!».

Сейчас я думаю, что Зинаида Николаевна была в его жизни, кроме матери, единственной женщиной, глубоко и верно его любившей, и это сходство в любви к нему матери и Зины прочно удерживало его в доме, в кругу семьи, где главенствовала, конечно, Зинаида Николаевна. Здесь ему все, несмотря на одергивания, позволялось, и, конечно, все прощалось. Любовь Зинаиды Николаевны, как и материнская, была лишена какой бы то ни было корысти.

Сегодня, вглядываясь в ранние семейные фотографии Пастернаков, я замечаю, что Зинаида Николаевна ко времени моего знакомства с ней внешне мало изменилась, разве что некрасиво располнела, чуть ссутулилась, но чистая линия профиля, прямой нос с красиво вырезанными ноздрями, властно выступающая нижняя губа и горячие, темные, прямо «италианские» глаза под тяжелыми веками сохранили особенную, притягательную женственность. По натуре своей человек страстный, Зинаида Николаевна умела «властвовать собою». Эти черты ее характера полностью проявлялись

в игре – от карт до маджонга: ее как партнера в играх высоко ценил Маяковский, сам прирожденный игрок. Думаю, что одергивания мужа происходили в те моменты, когда, по мнению Зинаиды Николаевны, Борис Леонидович вел себя излишне азартно, настаивая на своем за общим дружеским столом.

Подтверждение верности моих впечатлений тех лет о характере отношений Бориса Леонидовича с женой я много позже обнаружил в письме Ольги Фрейденберг к Пастернаку: «Слушайся, ради бога, Зининых увещаний и поклянись, что ты взрослый» (7.11.50).

О существовании в жизни Пастернака Ольги Ивинской я впервые услышал от Зинаиды Николаевны в один из приездов на дачу в Переделкино.

Оба Бориса – Пастернак и Ливанов – отправились на прогулку, а я остался с мамой и стал невольным слушателем такого рассказа.

Борис Пастернак и Зинаида Нейгауз. 1950-е гг.

*Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших, и сердца не мучай.
Ты со мной, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.*

(Б. Пастернак. 1931 г.)

Однажды к Зинаиде Николаевне явилась какая-то незнакомая женщина, которая доверительно и печально поведала, что Ольга Ивинская внезапно заболела, находится при смерти и желает сказать Зинаиде Николаевне последнее «прости».

Зинаида Николаевна – человек добрый и совестливый – страшно разволновалась и отправилась вслед за печальной вестницей исполнить последнюю волю умирающей любовницы своего мужа. Провожатая завела ее в комнату какой-то московской квартиры и исчезла.

В комнате, пропахшей тяжелыми лекарственными больничными запахами, на чисто застеленной кровати лежала умирающая. Тусклый свет стоящей на тумбочке в изголовье кровати настольной лампы, покрытой по абажуру платком, слабо высвечивал утопающую в подушках голову и тускло поблескивал на лекарственных пузырьках, составленных под лампой.

Умирающая слабым, прерывающимся голосом попросила Зинаиду Николаевну сесть. Опустившись на стул, Зинаида

Николаевна стала напряженно вглядываться в лицо умирающей. Это лицо поразило ее своей страшной, неестественной чернотой. Возможно, эта чернота другому посетителю и добавила бы страха и правдоподобия при соприкосновении с близкой смертью. Но Зинаида Николаевна – прирожденный игрок – даже в смятении чувств умела просчитывать ходы свои и партнеров.

И когда умирающая стала лепетать о своей любви к Пастернаку, Зинаида Николаевна вдруг сорвала с абажура платок и в ярком свете лампы решительно провела концом платка по совершенно черному лицу, утопающему в подушках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.